

— Это было особое, неожиданное впечатление, — продолжал мой сосед по купе скорого поезда, пожилой геолог, с которым у нас совпадали маршруты командировок. Разговор шел о наиболее значительных за последнее время впечатлениях в сфере искусств. Я рассказывал о концертах Святослава Рихтера, а он, не подозревая о моей профессии, заговорил вдруг о чтеце:

— Было это уже довольно давно, пожалуй, года два назад. В Смоленске. Я совершенно случайно зашел в какой-то клуб на литературный вечер. Прежде я никогда не бывал на подобных концертах и, по правде говоря, не представлял себе, как это можно просидеть два часа, слушая чтение одного человека. Должен признаться, что я все-таки два часа просидел и даже не заметил, как прошло время, — так был захвачен. К сожалению, среди множества всяких дел, забот выпали из памяти названия произведений, которые тогда читались, фамилии их авторов и исполнителя. Казалось бы, вечер этот, случайный в моей жизни, промелькнул и забылся. Но вот время от времени в голове стали всплывать какие-то неотчетливые картины. Это обычно происходило в минуты отдыха, перед сном или в поезде.

Сидишь и думаешь: что же это такое? Где это я видел или слышал — в театре, кино или читал какую-то книгу?..

...Метель. Невский проспект. Темные дома, полное безлюдье... То

ли блокада, то ли гражданская война... И по пустынной улице, ночью, сквозь бурю идет огромный негр... Да, да, негр. В темноте сверкают белки его глаз... Он в широких галифе и кавалерийском полуботке... И какой-то юноша потом бредит в тифозной горячке этим негром.

Неясные картины жили где-то в глубине моей памяти. Но я никак не мог вспомнить, откуда они взялись. Это было даже мучительно. А вот сейчас, когда мы заговорили о впечатлениях от искусства, я вдруг вспомнил, да-да, вспомнил. Это было то самое чтение в смоленском клубе.

— Поэма Бориса Корнилова «Моя Африка». И читал ее артист Николай Голубенцев, — подсказал я.

— Совершенно верно! Как вы угадали? И откуда вы знаете фамилию артиста?

— Очень просто: я сам тоже артист-чтец. Еду на гастроли. А Николай Голубенцев мой товарищ, и я отлично знаю его работу.

К нашему разговору стали прислушиваться и остальные попутчики — молодая женщина, сидевшая у окна с книгой, и ее муж.

Я рассказывал, и это было, по-видимому, новостью для моих слушателей, что по всей стране работают десятки чтецов-профессионалов, пропагандирующих художественную литературу. И, несмотря на то, что все эти люди изо дня в день выступают перед массовыми аудиториями — и как солисты, и участвуя в эстрадных концертах, — сколько еще есть у нас читателей и зрителей, которые имеют довольно смутное представление об искусстве звучащего художественного слова. Причин для этого много. Тут и молодость нашего искусства, и в значительной мере равнодушие к нему со стороны массовой и специальной печати, да и, что греха таить, некоторый консерватизм вкусов наших широких аудиторий, предпочитающих художественному чтению легкие жанры эстрады.

Еще очень многие читают литературу бессистемно. То современную книгу возьмут, то классику, а нередко и какой-нибудь по-

шленький детектив. Причем иногда читатель даже не отдает себе отчета, когда, кем написана книга. Поэтому мы, чтецы, стремимся в какой-то мере направлять читательский интерес, воспитывать и развивать художественный вкус наших слушателей. Прочтет артист отрывок из хорошей книги или композицию по тому или другому роману, и вот уже две-три сотни читателей заинтересовались и книгой, и автором, а бывает, что и вообще литературой. После концерта идут в библиотеку или в книжную лавку, а там, глядишь, книги-то уже нет, разобрана... Очень многим книгам чтецы создали популярность.

Соседи по купе слушали меня внимательно и, как мне показалось, сочувственно. Геолог даже заметил, что очень сожалеет об упущенных в свое время возможностях чаще бывать на литературных концертах.

— А по-моему, жалеть не о чем, — вмешалась в разговор молодая женщина. — Эти концерты просто скучны. Я вот два раза была у нас в городе на таких вечерах — давали в местном бесплатные билеты. Я думала действительно концерты. А оказалось чтение. Целый вечер. В первый раз выступала какая-то пожилая артистка. Долго и нудно говорила про строительство то ли гидроэлектростанции, то ли канала. Закатывала глаза. Страдала. Я до конца не высидела. А второй раз был объявлен вечер Сергея Есенина. Пошла с подружкой. Народу — битком. Вышел здоровый мужчина лет сорока. Упитанный, краснощекий. И пошел нить. В манере что-то неприятное, знаете, как раньше крестьяне изображали: «Чаво, да ничаво...». А ведь Есенин совсем не такой. У него и душа, и стихи тонкие, красивые. Нет, теперь ме-

ня и калачом не заманишь на ваши концерты!

Наступила неловкая пауза. Необходимо было спасти репутацию жанра. Но меня неожиданно выручил муж «жестокое» критика. Свесившись с полки, он горячо возразил жене:

— Чепуха! Ты, Варя, безусловно права. Просто тебе не повезло. Мало ли бывает неудач, плохих примеров в любом искусстве. Ведь сколько раз мы уходили из кино и жалели о загубленном вечере. И после некоторых спектаклей так тоже бывало. Разве на этом основании можно говорить, что кино или театр — не искусство? Ты попала на плохих исполнителей. А я в последний приезд в Москву был на концерте известного чтеца Дмитрия Журавлева. Он читал рассказы Горького, Чехова. Многие из этих вещей я знал и раньше. Но сколько нового открылось мне в них на этот раз! Взять ту же «Даму с собачкой». Чтец помог мне увидеть в рассказе то, чего я не ощущал ранее. Нет, мастер чтения может совершить полный переворот в представлении об авторе и его книгах. Я получил истинное наслаждение, слушая Журавлева.

Не знаю, убедила ли молодую женщину эта горячая тирада ее мужа, но спор закончился.

Возвзоленный разговором, я задумался. Нахлынули воспоминания.

...Первые мои выступления на эстраде. 1932 год. Ивановская область... Тейково... Середа... Шуя... Рабочая аудитория — текстильщики. Вечер художественного чтения в клубе. Читаю Пушкина, Лермонтова, Маяковского... И вижу в зрительном зале много недоумевающих глаз, словно бы говорящих: «Что же, вот так весь вечер и будет стоять на сцене этот молодой парень?»

Ныне, разумеется, не то. Неизмеримо вырос культурный уровень народа. Художественное чтение входит в его эстетический обиход. Мы, чтецы, отчетливо ощущаем свою, если так можно выразиться, нужность.

Однако при всем этом еще предстоит преодолеть немало препятствий — недооценки, непонимания, равнодушия, — чтобы искусство художественного чтения повсеместно завоевало еще более заметное и почетное место в культурной жизни страны.

Большая ответственность за это лежит на самих чтецах. Нам нужно много и кропотливо трудиться, экспериментировать, искать и находить новые формы звучащего художественного слова.

А сила его воздействия на слушателя велика. Очень характерен в этом плане пример того же геолога, с которым мы завели разговор. Ведь в его сознании запечатлелся не только чисто внешний сюжет исполнявшегося чтецом произведения, но и то, как артист выложил поэтическую идею поэмы Б. Корнилова «Моя Африка». Это идея интернационального содержания нашей революции. Негр, житель далеких южных краев, гибнет в бою за, казалось бы, чуждую ему «сумрачную Россию». А юноша художник, пораженный встречей с негром в метель на Невском проспекте, в 1918 году, чувствует свою кровную связь с борьбой угнетенных людей в Африке и готов сражаться и даже умереть за их освобождение. Образы поэмы крепко запомнились слушателю и по талантливости их поэтического воплощения, и по тому, как полнокровно и убедительно их оживило мастерство актера...

Мои попутчики давно уже спали, а я все думал о судьбах дорогого мне искусства, о высокой гражданской ответственности чтеца. Ведь мы несем в массы передовые идеи нашего времени. Своими выступлениями мы можем и должны помогать партии, народу в строительстве коммунизма, в борьбе за мир, в воспитании нового человека. И мне представляется очень важным, чтобы прелесть, увлекательность, содержательность «звучащей книги» стали очевидными и необходимыми для каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ